

были утверждены Уездным съездом, как этого требовал закон. Не имела силы она даже в тех случаях, когда такие приговоры вообще отсутствовали в письменном виде ⁷.

Казалось бы, столь расширительное толкование одного из ключевых положений закона выглядит не вполне последовательным с точки зрения аграрной стратегии государства и принципов формального права. Но подобного рода подход как раз и был продиктован корректностью в отношении традиций общинного землепользования.

Земельные интересы общины должным образом учитывались и при решении такой острой проблемы, как укрепление земли домохозяевами, постоянно проживающими вне своей родной деревни. По мнению идейных оппонентов Столыпина, переход в собственность «отсутствующих» членов общества наделных земель, впоследствии ставших объектом коммерческой сделки, по сути, являлся расхищением крестьянского земельного фонда. Тем самым реформа, якобы, полностью игнорировала фундаментальные принципы, лежавшие в основе нормативного регулирования крестьянского землевладения. С подобной логикой трудно согласиться, зная, что столыпинское правительство, приступая к реформе, одну из главных своих целей видело в сохранении наделных земель за крестьянским сословием и после изменения формы собственности, о чем справедливо пишет Тюкавкин ⁸. Ведь до прихода Столыпина вопрос о правовом статусе укрепленных наделов оставался открытым, и окончательно позиция кабинета определилась лишь накануне реформы, когда в проекте будущего Указа 9 ноября 1906 г. укрепленная земля была признана личной собственностью. Благодаря этому обеспечивалось сохранение сельхозугодий за земледельческим населением: укрепленную землю допускалось продавать только лицам крестьянского сословия, а закладывать исключительно в Крестьянском поземельном банке. Позже в законе 14 июня 1910 г. указанные правила дополнило ограничение покупки и получения земли в дар одним крестьянином шестью душевыми наделами в пределах одного уезда. Таким образом, столыпинское земельное законодательство воздвигало серьезные барьеры на пути к спекуляциям укрепленной наделной землей и ее чрезмерной мобилизации в одних руках.

В данной связи категоричное суждение о продаже укрепленного надела, в особенности, «горожанами», как о «расхищении наделных земель», явно искажает реальную картину. Тем более, что подобный вердикт должен опираться на весьма солидную фактологическую базу, прежде всего, в части статистики. Сообщения же прессы (главным образом, оппозиционной и потому тенденциозной), хотя и не единичны, но никак не могут служить основанием для широких обобщений.

Позиция общины в отношении землепользования отсутствующих членов также не была однозначной. Если они оставались не менее добросовестными налогоплательщиками, нежели остальные домохозяева, то их права на наделную землю, как правило, не ставились под сомнение. Да и в принципе разрешение на длительное удаление из деревни мог получить лишь «исправный» крестьянин, за коим не числилось недоимок или других провинностей. Вносимые им подати, размер которых, прежде всего, обуславливался величиной надела, таким образом оправдывали претензии на землю даже в случае посто-